

Дж. И. Месхидзе

МАДЕЙРСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ К. Н. ПОСЬЕТА И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ ОСТРОВА 50–60-х ГОДОВ XIX В.

Nenhum corpo é como esse,
mergulhador, coroadado
de puros volumes de água...
Herberto Helder¹

В фондах Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого хранится небольшая коллекция с острова Мадейра (колл. 472), собранная адмиралом Константином Николаевичем Посьетом (1819–1899) и переданная в МАЭ в 1899 г. согласно его завещанию. Она включает три гипсовые статуэтки («Два носильщика, несущие европейца в гамаке с пологом», «Двое мужчин, беседующих на дороге», «Торговка с фруктами»), два традиционных головных убора — *капануса / карбуса / крабуса (сарарица / карбуца / крабуца)* и маленькую четырехструнную португальскую гитару — «щипковую лютню» — *машэти* (ее описание см. в Приложении 2 к настоящей статье²).

Судя по имеющимся данным, К. Н. Посьет бывал на Мадейре дважды. В первый раз — на фрегате «Паллада» в составе миссии вице-адмирала Евфимия Васильевича Путятина по установлению дипломатических и торговых взаимосвязей с Японией (1852–1854): он был прикомандирован «для особых поручений» и возглавлял «ученую партию» [Обзор заграничных плаваний судов 1871: 500]. Тогда предполагалось лишь пополнить запасы провизии, и фрегат подошел к мадейрскому берегу, не бросая якоря. Второе посещение

---

¹ «Никакое тело не сравнится с этим,
Погруженным в воду, оправленным в ее потоки...»
Эрберту Элдер (перевод В. Капустиной)

² Выражаю искреннюю признательность Владимиру Васильевичу Кошелеву за помощь, оказанную при описании инструмента.

острова было связано с обязанностями К. Н. Посьета в качестве попечителя Великого князя Алексея Александровича (1850—1908); оно оказалось более продолжительным и впечатляющим. В 1866 г. состоявший из фрегата «Ослябя» и корвета «Витязь» отряд под командованием контр-адмирала «имел назначение служить средством к приобретению морской практики» гардемарина Великого князя Алексея Александровича [Обзор заграничных плаваний судов 1871: 500]. Помимо Мадейры мореплаватели посетили и другие территории Португальского королевства — Лиссабон и Азорские острова. А 23 июля состоялось знаменательное событие: К. Н. Посьет был награжден португальским знаком отличия — Орденом Башни и Меча, который вручил ему прибывший на фрегат «Ослябя» консул [Общий Морской список 1900: 264; Посьет Записная книжка: 1 об.]. В 1867 г. отряд отплыл к следующему пункту назначения — Островам Зеленого Мыса.

О визитах русских кораблей на архипелаг Мадейра можно судить, к примеру, по записям капитана 2-го ранга Николая Матвеевича Чихачева — командира фрегата «Светлана» — в рапорте от 4 мая 1860 г.: «Наше исключительное спешное плавание не позволило нам зайти на острова Мадейру, Тенерифе, Рио-де-Жанейро и Мыс Доброй Надежды, куда обыкновенно заходят для отдыха все наши русские суда. Эти столь интересные во всех отношениях места кроме отдыха представляют случай для любознательности офицеров...» [О плавании фрегата «Светлана»: 35]. Это и неудивительно: Мадейра, самый крупный из пяти гористых островов архипелага (его площадь около 815 км²), являлся важным промежуточным пунктом на морских путях, связывающих Европу со странами Америки, Азии и Африки.

«Открытая» финикийскими мореходами и купцами, которые уже во II тыс. до н.э. проникли в Гибралтарский пролив, а затем и в Атлантику [Циркин 1976: 9], Мадейра была вторично «открыта» римлянами. За мягкий климат и благоприятные природные условия римляне отождествили ее — вместе с Канарскими островами — с «Островами Блаженных» греческих авторов, а потому и закрепилось за ними название «Счастливых». В Средние века Мадейра вновь попала в число «неведомых» земель, хотя воспоминания о ней сохранялись, продолжая украшать на картах монаха Беата из Сен-Севра Западный океан. Известно, что итальянские купцы в Лиссабоне сумели убедить португальского короля Афонсу IV (1325—1357) субсидировать, а возможно и организовать экспедицию на Канары. И она удалась: корабли (а их капитанами были не только итальянцы, но и португальцы, кастильцы, арагонцы, каталонцы) посетили все тринадцать Канарских острова; не лишено вероятности и посещение ими Мадейры [Oliveira Marques 1972: 145]. Как бы то ни было, слава последнего «открытия» острова принадлежит двум португальцам — Жуану Гонсалвешу де Камара («Zarco» — «Косой», как его называли) и Тристану Ваш Тейшере — и итальянцу Бартоломео Палластрелло. Согласно одним источникам, они были направлены на поиски «Золотой реки» в Западной Африке известным покровителем наук и мореплавания инфантом Доном Энрике и совершенно случайно обнаружили этот необитаемый остров. Другие сведения сообщают, что португальцы не придавали ему большого значения вплоть до 1417 г., когда кастильцы снарядили значительную экспедицию к берегам острова Порто-Санто — каравеллы, покинувшие Альгарви в 1419—1420 гг. и занявшие Порто-Санто и Мадейру, стали лишь быстрым и решительным ответом на заокеан-

ские притязания испанцев [Oliveira Marques 1972: 148]³. Если верить Фердинанду фон Хохштеттеру (а он в свою очередь ссылается на доклад доктора Ф. Унгера «Die versunkene Insel Atlantis», прочитанный в 1860 г. в Вене), то известие об «обнаружении» Мадейры произвело в Европе сенсацию: говорили, что найдена Атлантида древности или ее осколок [Hochstetter 1861: 5].

Итак, в 1420 г. на остров высадились первые европейские поселенцы — их насчитывалось не более сотни [Oliveira Marques 1972: 152]. Каталонское или итальянское название острова *Legname* было переименовано португальцами и получило свое теперешнее название — Мадейра. К 1882 г. число его жителей достигло 133 955 человек [Реклю 1898: 879]; светская и духовная власть сосредоточивалась в Фуншале: там находились генерал-губернатор и епископ.

Любопытно наблюдение одного из путешественников о том, что на побережье Мадейры непомерно много названий *Porto*, хотя собственно порта на острове нигде и нет. Подтверждением тому служит и фрагмент письма К. Н. Посьета: «Сию минуту вбегает в каюту мой голландец и с удивлением спрашивает: “Не-уже-ли это берег?” Ему до того Мадера показалась высокою, что он не мог себе представить: где же тут самый берег <...> Возвышаясь над океаном на 6000 фунтов, Мадера действительно похожа издавелека на огромную обрывистую скалу» [Письма из кругосветного плавания 1855: 10]. Цепь гор тянется вдоль всего острова, их средняя высота 1200 м, а самая высокая точка достигает 1860 м — это вулкан *Пико Руиво* (*Pico Ruivo*). К слову сказать, горные пейзажи — наряду с традиционными снежно-белыми домиками и роскошными виллами — излюбленный сюжет и зарисовок путешественников, и оформления различных изданий о Мадейре. Так, в блокнотах К. Н. Посьета есть наброски гряды мадейрских хребтов, а в книге Ф. фон Хохштеттера — авторская хромотипия «Ansicht des Pico do Gato».

Все же первое, на что обращали внимание большинство авторов, — особый, необыкновенный «аромат» острова: «Мы еще далеко были от берега, а на нас повеяло теплым, пахучим воздухом, смесью ананасов, гвоздики, как мне казалось, и еще чего-то», — пишет Иван Александрович Гончаров в романе «Фрегат “Паллада”». И дальше: «Можно снять посредством дагерротипа, пожалуй, и море, и небо, и гору с садами, но не нарисуешь этого воздуха, которым дышит грудь, не передашь его легкости и сладости <...> Много рассказывают о целительности воздуха Мадейры: может быть, действие этого воздуха на здоровье заметно по последствиям; но сладостью, которым он напитан, упиваясь, лишь только ступишь на берег» [Гончаров 1997: 87, 94]. И. А. Гончарову вторит и К. Н. Посьет: «Воздух здесь уж со вчерашнего дня чрезвычайно приятен; как-то легче дышать, чем в Европе. Мы подле самого Фуншала. Как хороша Мадейра!» [Письма из кругосветного плавания 1855: 11].

Фуншал 50–60-х годов XIX в. — небольшой, но «правильный городок», расположенный на «вечнозеленеющем» побережье. Численность его населения составляла свыше 20 тысяч жителей: среди них — кроме «коренных» португальцев — были англичане, французы, итальянцы, несколько меньше немцев

³ Нельзя не упомянуть еще об одной версии: сведения об острове в Атлантическом океане донесли до инфанта Дона Энрике из Марокко. Ссылаясь на португальские анналы, романтическую легенду о несчастных влюбленных Роберте Мачине и Анне Арфет (англичанах аристократического происхождения), относящуюся к 50-м годам XIV в., приводит F. Denis в своей книге «Portugal» [Denis F. Portugal 1846: 64–65].

Рис. 1. «Двое мужчин, беседующих на дороге». Гипс. Португалия. Остров Мадейра. МАЭ. Колл. № 472-5

(рис. 1). По свидетельству Ф. фон Хохштеттера, английские нравы и английский язык доминировали с каждым годом все больше и больше, отчасти это происходило из-за многочисленности английских судов на рейде, отчасти — благодаря внушительности английских семей, селившихся в Фуншале и вокруг него. Оттого и знание английского языка было почти необходимым, «особенно для немцев». Объяснение данному обстоятельству автор находит в том, что в Фуншале, «как и везде, разделяются в обществе южане от северян. И немцы чувствуют большую симпатию к занимательному общественному кругу англичан, чем к португальским кругам с непрременной карточной игрой, песнями под гитару и обязательной любезностью» [Hochstetter 1861: 20]. Существовал, однако, и иной взгляд на присутствие англичан: «На бульваре под яворами и олеандрами стояли три человеческие фигуры, гладко обритые, с синими глазами, с красивыми бакенбардами, в черном платье, белых жилетах, в круглых шляпах, с зонтиками, и с пронзительным любопытством смотрели то на наше судно, то на нас. Нужно ли называть их? И тут они? Мало еще мы видели их!

Лучшие дома в городе и лучшие виноградники за городом принадлежат англичанам. Пусть бы так; да зачем сами-то они здесь? Как неприятно видеть в мягком воздухе, под нежным небом, среди волшебных красок эти жесткие явления!» [Гончаров 1997: 88]. Таковы впечатления И. А. Гончарова. Впрочем, подобная эмоциональная окраска не помешала Ивану Александровичу отдать должное и вкусу, и аккуратности, и трудолюбию, и деловым качествам британцев.

Ни для кого не секрет, что влияние английской культуры и само пребывание англичан на Мадейре имеет свои истоки задолго до XIX в., тем не менее следующий факт довольно примечателен. В 1452 г. властитель острова Энрике, брат короля Дуарте, подписал контракт с неким Диогу де Тейве о создании комплекса плантаций сахарного тростника и его переработки, а спустя четыре года первый сахар был экспортирован в... Англию [Oliveira Marques 1972, I: 154]. С конца XVII столетия Португалия оказывалась во все большей зависимости от Англии. В 1703 г. Педру II заключил в Лиссабоне так называемый Метуэнский договор, согласно которому Англия обязывалась «охранять и защищать все принадлежащие португальской короне владения и колонии от ее врагов как будущих, так и настоящих». Ей была дана возможность пользоваться гаванями и островами Португалии (постепенно они превращались в базы британского военно-морского флота для операций в Атлантике и Средиземном море). Экономические статьи договора предусматривали предоставление льгот для ввоза английского сукна в Португалию и вывоза португальских вин в Англию (пошлины на них были понижены на треть по сравнению с французскими винами). Пошатнуть позиции Англии не удалось ни Австрии в период войны за Испанское наследство, ни Франции в период Великой французской революции и испано-португальской войны (1795–1801). Канцлер Австрии Клеменц Лотар фон Меттерних, балансируя между Наполеоном и антинаполеоновской коалицией, пытался укрепить положение империи, и на Пиренейском полуострове в частности; именно у него нашел поддержку Мигел, захвативший власть в 1824 г., но не сумевший ее удержать [Oliveira Marques 1972, II: 59]. Позднее на собрании Кортесов в июне 1828 г. Мигел был признан королем Португалии, однако уже в мае 1834 г. он был вынужден отречься от престола. Тогда победа конституционалистов над мигелистами, отразившая соперничество Австрии и Англии за преобладающие позиции в Испании, вновь упрочила влияние последней. Зависимость португальской экономики от английского капитала подтвердил и второй брак Марии II да Глория (1834–1853) с герцогом Фердинандом Августом Саксен-Кобургским (в 1837 г. после рождения сына он стал именоваться Фернанду II), родственником английского королевского дома. Кстати, под Фуншалом располагался «маленький рай» австрийской императрицы — жены Франца Иосифа красавицы Элизабет — сад и зимняя резиденция *Villa Davis*. Настигнутая «наполовину действительной, наполовину воображаемой болезнью», она отправлялась в путешествие; домой из своего мадейрского «рая» Элизабет всегда возвращалась отдохнувшей, посвежевшей и цветущей [Hochstetter 1861: 18, 72–73; McGuidan 1996: 516]⁴.

⁴ Примечателен и тот факт, что Карл I Габсбург (1887–1922), император (с 1916 г.) Австрии и Апостольский король Венгрии (под именем Карл IV), отказавшийся от формального отречения от престола в 1918 г. и дважды пытавшийся восстановить свою власть в Венгрии, в 1921 г. был арестован как нарушитель мира. На борту английского фрегата он вместе с женой и детьми

Во второй половине XIX в. колонии Португалии Ангола и Мозамбик стали объектом германских притязаний. Некоторые представители правящей элиты Германии пытались внедриться в португальскую экономику: так, принц Фридрих Карл Гогенцоллерн в 1903 г. получил от правительства Португалии концессию на учреждение санатория, отеля и казино на Мадейре. Закрепление немцев в таком важном стратегическом пункте вызвало дипломатическое вмешательство Англии — и в 1906 г. концессия была отменена [Испания и Португалия 1947: 405].

Небезынтересная деталь: К. Н. Посьет, записывая денежные курсы в разных портах Португалии, отмечает как основную единицу, имевшую хождение на Мадейре, фунт стерлингов — 1 ф.ст. = 6,75 коп. (в отличие от Лиссабона и Азорских островов, где основной денежной единицей были рейсы: соответственно 1000 рейсов = 1,47 коп. и 1,20 коп.) [Посьет 1866: 42]. Есть еще одна примечательная подробность: среди израсходованных в Фуншале средств солидная сумма была потрачена на мадеру. А в том что контр-адмирал знал толк в вине, не приходится сомневаться, ведь он был потомком француза, переселившегося в Россию и привлеченного Петром I к развитию виноделия в Астрахани. Мадера — дар острова — «оживляла» и очаровывала не меньше, чем сам остров. По дороге в горы несколько раз, пишет И. А. Гончаров, «проводник мой просил остановиться, чтобы дать как лошади, так и самому перевести дух <...> На этих станциях безобразная мулатка или старый негр подносили мне стакан молодой мадеры, чистой и полной букета — качеств, которых лишается этот напиток, пройдя через винные погреба европейских столиц» [Письма из кругосветного плавания 1855: 12]⁵. Свою «триумфальную карьеру» на Мадейре вино начинало с 1425 г., когда виноградная лоза была завезена туда с острова Кипр. Вина вырабатывалось ежегодно около 29 000 бочек, и оно являлось основной статьей дохода. Правда, после появления филлоксеры, поразившей виноградники, его производство резко сократилось. Одолея это бедствие труд португальских виноградарей, соединивших местные сорта с американскими саженцами: не случайно ведь говорят, что рука виноградаря словно узловатая лоза — может, и неказиста она, но неистощима и плодоносна... Что же касается виноторговли, то все сделки находились под контролем преимущественно англичан, лучшие вина также направлялись в Англию (разумеется, мадеру высшего качества из кантона *Fago de Pereira* поставляли королевскому двору Португалии). Как подметил И. А. Гончаров, между португальскими торговыми домами было мало богатых, и консул, с которым встречалась русская делегация, хотя и считался значительным виноторговцем, но жил весьма скромно по сравнению с британскими негодьями.

(супруги ждали восьмого ребенка) был доставлен союзниками на остров Мадейра. Скучность средств не позволяла оплачивать гостиничные счета семьи, и Карл I был вынужден перебраться в имевшийся в его распоряжении загородный дом в Куинто-де-Монте. Расположенный в горах дом плохо отапливался, был сырой и неудобный — именно в нем Карл I провел свою последнюю зиму, где и умер от очередного воспаления легких 1 апреля 1922 г. (см., например: [Залесский 2000; McGuidan 1996: 626–627]).

⁵ В Петербурге мадера была популярным и весьма ценным напитком. Как иллюстрация — слова из послания И. А. Гончарова: «Не сетуйте на меня за мое красноречие, но Вы сами в письме говорите, что с удовольствием видите мой почерк — и я, как видите, не поскупился — и заслужил и рюмку мадеры, и мою последнюю сигару!» [Два письма И. А. Гончарова 1923].

Общеизвестен тот факт, что в литературе морских путешествий заключено немало ценных этнографических сведений и наблюдений, представляющих несомненный научный интерес. Он красноречиво подтверждается и в случае с мадейскими материалами. Так, «флагман русской морской литературы» Константин Михайлович Станюкович (1843–1903), изображая сцены из жизни русского военно-морского флота начала 60-х годов XIX в. и свои эмоции от пребывания на острове, писал: «С берега неслись маленькие шлюпки на корвет, и скоро палуба была полна бронзовыми мадейцами с корзинами, полными фруктов. И каких тут только не было фруктов: и громадные апельсины, и мандарины, и манго, и гуавы, и ноны!..». Прогуливаясь по Фуншалу, он заметил, что небольшая площадь, «обсаженная роскошными деревьями, под которыми были скамейки, представляла соблазнительное место отдыха»; там можно было и полакомиться: «под навесом из зеленой листвы были горы всевозможных фруктов, и торговцы-португальцы тут же дремали у своих лавчонок, освещенных фонариками» [Станюкович 1896: 152, 154] (рис. 2).

Рис. 2. «Торговка с фруктами». Гипс. Португалия. Остров Мадейра.
МАЭ. Колл. № 472-6

Фуншал отличался и своим особым «знаком». Его не упускал из виду ни один из путешествовавших: в городе и, по всей видимости, на всем острове не было ни одного колесного средства передвижения. «Езда верхом здесь самый распространенный способ передвижения. Других способов, как оказалось, не было, если не считать каких-то допотопных коробов на полозьях, везомых на волах, и паланкинов», — констатировал К. М. Станюкович [Станюкович 1896: 152]. обстоятельно рассказывал об этом и И. А. Гончаров: «А вот вдруг вижу, однако ж, что-то очень северное, будто сани. Что за странность: экипажи на полозьях из светлого, ясеневого или пальмового, дерева; на них места, как в кабриолете. Запряжены эти сани парой быков, которые, разумеется, шагом, тащат странный экипаж по камням. “Стало быть, колясок и карет здесь нет, — заключил я, — мало места, и ездить им на гору круто, а по городу негде”. Ездят верхом и в носилках» [Гончаров 1997: 90]. «Носилки» представляли собой эластичную жердь длиной в две сажени с приспособленным к ней гамаком или паланкином, которую двое мужчин несли на своих плечах. В нем путник весьма удобно устраивался и позволял нести себя «по горам и долам». Носильщики недоумевали, как можно странствовать без гамака, и нередко часами следовали за чужеземцем с этим «аппаратом», пока тот, в конце концов, не поддавался уговорам. «Проводники <...> схватили меня с криком за обе руки и буквально упрятали в колыбель. Мне было как-то неловко, совестно ехать на людях, и я опять было выскочил. Они опять стали бороться со мной и таки посадили или, лучше сказать, положили, потому что сидеть было неловко. “А что ж, ничего! — думал я, — мне хорошо, как на диване; каково им? Пусть себе несут, если им охота!” Я ожидал, что они не поднимут меня, но они, как ребенка, вскинули меня с паланкином вверх и помчали по улицам. А всего двое; но зато что за рослый, красивый народ! Как они стройны, мужественны на взгляд! Из-за отстегнутого воротника рубашки глядела смуглая и крепкая грудь. Оба, разумеется, черноглазые, черноволосые, с длинными бородами» [Гончаров 1997: 91]. Своеобразным дополнением к повествованию Ивана Александровича является пассаж Фердинанда фон Хохштеттера, передающий впечатление, произведенное на него силой и выдержкой носильщиков: «В гору и с горы, напевая жалостливым тоном непонятные строки, даже на самых скверных тропинках они шли со своей ношей в таком темпе, что лишь с трудом можно было поспевать за ними обычным шагом» [Hochstetter 1861: 29–30]. Причем на всем протяжении длительного пути единственной пищей служили им хлеб, вода и вино» (рис. 3).

По описаниям К. М. Станюковича, «извозчики или, вернее, проводники-португальцы были одеты в красивые, шитые золотом куртки и маленькие, надетые на макушки, черные шапочки с маленькими, воткнутыми в них черными султанчиками» [Станюкович 1896: 152]. Эта общая для мужчин и женщин маленькая шапочка конической формы — так называемая *капануса / carapuça* — обычно из холста, черная, коричневая или синяя, с длинным жестким — вертикальным или косым кончиком — *bico*, настоящая «примета» островитян [Vasconcellos 1983: 561, 562, 564, Fig. 429, 430] (рис. 4, 5). Полная противоположность тому, что подразумевалось под головным убором в жаркой стране, *сарипуца* зачастую производила комичное впечатление (ее сравнивали с половинкой редьки). И еще один своеобразный штрих в облачении жителей Мадейры: почти всегда желтая обувь.

Рис. 3. «Два носильщика, несущие европейца в гамаке с пологом». Гипс.
Португалия. Остров Мадейра. МАЭ. Колл. № 472-4

Рис. 4. Традиционный головной убор (*carapuça*) с «хвостиком» (*bico*). Сукно.
Цвет — синий. Португалия. Остров Мадейра. МАЭ. Колл. № 472-1

Рис. 5. Традиционный головной убор (*carapuça*) с «султаном». Сукно. Шелк. Цвет — черный. Португалия. Остров Мадейра. МАЭ. Колл. № 472-2

Общение с португальскими жителями Мадейры оставляло, как правило, приятный след в памяти путешественников. «Народ кроткий и вежливый, не видно ни пьяных, ни нищих, ни калек. Женщины очень благовидны, одеты все празднично», — вносит в свои заметки К. Н. Посьет [Посьет 1866: 10 об.]. Среди присущих местным португальцам привязанностей путешественники отмечали их любовь к пению под гитару. Даже сам мадейрский говор поражал «странным “поющим” тоном» [Hochstetter 1861: 21]. До сих пор Мадейра (так же как Азорские острова и округ Браганса) является основным хранилищем *романсейру* — эпических народных песен, сложившихся в период Реконкисты и связанных с расцветом инструментальной музыки — весьма значимого жанра португальской песенной поэзии [Rodrigues Azevedo 1880; Viegas Guerreiro 1978]. А своеобразный музыкальный «мадейрский диалект» можно услышать и сегодня в исполнении фольклорных групп *тунаш* (от португ. *tuna* — «безделье, праздность»), включающих главным образом струнные щипковые инструменты — *машети* (рис. 6), мандолину и различного вида гитары. Кстати, в Бразилии, где музыкальный фольклор остается тесно связанным с португальским, имя исполнителя-виртуоза Жоакина Мануэля из Рио-де-Жанейро прочно вошло в историю (по общему мнению, *машети* появился в Бразилии непосредственно с острова Мадейра) [Месхидзе 2008: 439–443].

Расположенная в субтропической зоне Мадейра отличается климатом средиземноморского типа, но более мягким, чем побережье Южной Европы, а из-за влияния океана зима там довольно теплая. Это обстоятельство принесло острову славу зимнего курорта — Мадейру называли «госпиталем Европы», туда приезжали не только отдохнуть, но и подлечить свое здоровье, особенно люди, страдающие астмой и туберкулезом. Доктор Рудольф Шульце за три года врачебной практики на острове (1860–1863) упоминает среди пациентов и шестерых русских [Schultze 1864: 128, 130, 131]. Там же для избавления от недугов провел некоторое время и знаменитый музыковед, писатель, правовед Платон Львович Ваксель.

Рис. 6. «Маленькая» португальская четырехструнная гитара. Португалия. Остров Мадейра. МАЭ. Колл. № 472-3

Родившийся в Стрельне и получивший воспитание за границей, в 1862 г. он уехал вместе с семьей на Мадейру, где пробыл до 1870 г. (лишь два из них Ваксель прожил в Лиссабоне). По словам Жоакина де Вашконселуша, П. Л. Ваксель «употребил время своего невольного изгнания достойным образом» [Венгеров 1895: 32]. Платон Львович поддерживал дружеские отношения и сотрудничал со многими представителями творческой интеллигенции Португалии, например с мадейрским писателем Хуаном де Нобрега Соарешем, гитаристкой Марией-Паулой Рего-Клингельхофер, литературоведом и государственным деятелем Жозе Сильвестре Рибейру. В журнале «Gazeta da Madeira» (№ 21) был напечатан ряд статей П. Л. Вакселя о литературе, науке и искусстве России; в 1868 г. они вышли в Фуншале отдельным изданием — «Quadros da litteratura, das sciencias e artes na Russia» (с предисловием Жозе Сильвестре Рибейру и одой Гавриила Романовича Державина «Бог» в переводе на португальский Хуана де Нобрега Соареша в качестве приложения). Кроме того, Платон Львович занимался историей музыки (его педагогом в Петербурге был Константин Деккер). Большой почитатель М. И. Глинки, он составил биографию композитора — сначала она была опубликована в мадейрском журнале «Revista Semanal», а позже выпущена в форме брошюры. Обладавший приятным тенором П. Л. Ваксель популяризировал и романсы М. И. Глинки, которые часто звучали на Фуншальских концертах в 60-е годы XIX в.; говорили, что даже мальчишки на улицах города насвистывали «Победитель» и «Не искушай». С 1865 г. П. Л. Ваксель стал собирать материалы по истории португальской музыки и составлять Лексикон музыкантов, позже он передал его Жоакиму де Вашконселушу, а тот включил Лексикон в свое сочинение «Os musicos portugueses» [Porto 1870]. Статьи П. Л. Вакселя появлялись в лиссабонских и римских журналах. Объединенные под общим заглавием «Abriss der Geschichte der Portugiesischen Musik», в 1883 г. они увидели свет в Берлине. Деятельность

П. Л. Вакселя получила достойное признание в Португалии: в 1868 г. Ученое общество Университета Коимбры избрало его членом-корреспондентом, в 1876 г. Географическое общество в Лиссабоне ввело его в число своих членов. А в 1877 г. королева Мариа Пиа пожаловала Платону Львовичу королевский Орден Иисуса Христа [Грамота на орден]. Один из португальских журналистов сетовал, что «иностранцы до сих пор отнимают у нас пальму первенства — грустно сознаться, но эти иностранцы лучше знают Португалию, чем сами португальцы» [Венгеров 1895: 33].

Привлечение литературных произведений к изучению и отдельных музейных экспонатов, и целостных коллекций — как мадейское собрание К. Н. Посьета в данном случае — позволяет полнее и ярче озвучить и отобразить «прошлую жизнь» материальных предметов. Представляется, что насыщенные этнографическими наблюдениями записки путешественников 50–60-х годов XIX в. любопытны как для жителей Мадейры, так и для тех, кто не бывал там никогда. Они создают образ романтический и манящий, волнующий воображение «мягкостью воздуха, теплым блеском солнца, нежным колоритом красок и всей этой гармонией волшебного острова, которая связует здесь небо с морем, море с землей — и все это вместе с душой человека» [Гончаров 1997: 85].

Приложение 1

Опись коллекции № 472

Коллекция передана в дар МАЭ в 1899 г. согласно завещанию адмирала К. Н. Посьета.

Португалия. Остров Мадейра.

Португальцы.

Традиционные головные уборы (№ 472-1, 2), музыкальный инструмент — гитара (№ 472-3), гипсовые статуэтки (№472-4–6).

Количество номеров — 6, количество единиц хранения — 6.

1. Мужские традиционные головные уборы

1. Традиционный головной убор (*carapuca*) с «хвостиком» (*bico*).

Португалия (остров Мадейра).

Сукно. Цвет — синий. Инв. № 472-1.

2. Традиционный головной убор (*carapuca*) с «султаном».

Португалия (Мадейра).

Сукно. Шелк. Цвет — черный. Инв. № 472-2.

2. Музыкальные инструменты

Гитара четырехструнная.

Португалия. Остров Мадейра.

Размеры: длина с грифом 49,2 см; максимальная ширина деки 14 см; высота коробки 4 см.

Инв. № 472-3.

3. Декоративно-прикладное искусство
Статуэтки

1. «Два носильщика, несущие европейца в гамаке с пологом».
Португалия. Остров Мадейра.
Гипс. Инв. № 472-4.

2. «Двое мужчин, беседующих на дороге».
Португалия. Остров Мадейра.
Гипс. Инв. № 472-5.

3. «Торговка с фруктами».
Португалия. Остров Мадейра.
Гипс. Инв. № 472-6.

Приложение 2

О «маленькой» португальской гитаре

К сожалению, никакой информацией ни о мастере, изготовившем инструмент, ни о его владельце мы не располагаем. *Машэти* как одна из разновидностей португальской гитары — и в частности *кавакинью* — получила специфические черты непосредственно на Мадейре. Ее название происходит от кастильского слова *tachete*, связанного с *tachado*, которое этимологически восходит к латинской лексеме *marculatu* — деривату *marculus / martulus*, уменьшительному от *marcus* — молот. В XVIII в. термин *tachete* обозначал маленькую виолу — *viola pequena* [Machado 1977: 11].

Гитара португальская. 4-струнная. Брагинья (Braginha) / Машэти (Machete) / Машэти да браса (Machete da brasa) / Машада (Machada).

Аноним.

Остров Мадейра. Середина XIX в. (?).

Корпус. 8-образный, сборный: склеен из двух платановых (?) обечаек. В клеевой шов обечаек вставлена полоска из красного дерева.

Дека. Из двух кусков мелкослойной ели; наклеена на обечайки сверху.

Дно. Из двух кусков платана (?), сводчатое; наклеено на обечайки снизу.

Баринг. Две (2) еловые пружины; приклеены к деке, одна — ко дну.

Резонаторное отверстие. Одно (1), круглое; окантовано наборной розеткой (см. «Украшения»).

Клоц. Два (2), верхний и нижний.

Шейка. Из одного куска фруктового дерева; приклеена к верхнему деревянному клоцу.

Гриф. Из палисандра; наклеен на шейку.

Лады. Семнадцать (17); из латуни; врезаны в гриф.

Порожек. Вставлен в прорезь между грифом и фонировкой колковой пластины.

Колковая пластина. Составляет одно целое с шейкой; 8-образной формы, повторяет форму корпуса; фонирована палисандром.

Колки. Четыре (4); отверстия для колков просверлены.

Струнодержатель. Из красного дерева; наклеен на деку; четыре (4) отверстия для струны.

Струны. Четыре (4).

Тонировка. Дно, обечайки и шейка покрыты бесцветным лаком, дека — восковым составом (?).

Украшения. Клеевой шов между декой и обечайками закрыт наборным кантом, состоящим из тонкой полоски красного дерева и пояска из чередующихся кусочков полисандра и светлого дерева; розетка резонаторного отверстия набрана из 15-ти (12 + 3) полосок красного дерева и поясков наборного дерева; растительный орнамент (две дубовые «веточки» и цветок) наклеен на деку в области струнодержателя.

Основные размеры. Длина: с грифом — 49,2 см; корпуса — 22 см; (?) шейки (? между клоцами) — 21,5 см; (?) от верхнего порожка/клоца до струнодержателя — 39 см. Ширина корпуса: верхней части «восьмерки» (максимальная) — 11,2 см; нижней части «восьмерки» (максимальная) — 13,5 см; «тали» (минимальная) — 8 см. Высота корпуса 4 см. Диаметр: резонаторного отверстия — 3,8 см; отверстия на «головке» грифа — 0,7 см. Толщина: обечаек — 3,8 см; деки — ?; дна — ?

Сохранность. Утрачены: струны, колки, порожек, части окантовки и растительного орнамента деки; частичная расклейка корпуса; трещина в колковой пластине.

Источник поступления. Дар по завещанию адмирала К. Н. Посьета.

История бытования. Данных нет.

Атрибуция. История атрибуции прослеживается по Инвентарным книгам.

Архивные данные.

«Инвентарь коллекциям Музея Антропологии и этнографии имени Петра Великого Академии Наук СССР. С № 0001 по № 2412 (по описи № 52): № 0472. Год поступления: 1899. Происхождение (от кого поступила): от адмирала К. Н. Посьета (по завещанию). Народ: жители о-ва Мадейра. Местность: о-в Мадейра. Способ получения и документы при коллекции: дар. Отдел, кто и когда регистрировал: Европа. Д. Клеменц. Состав коллекции: головные уборы, гитара. Гипсовые фигурки. Количество: номеров — 6, предметов — 6».

«Опись коллекции № 472. Местность: Мадейра. Регистрировал: Дм. Клеменц. Первичная опись: рукописная, поступившая от К. Н. Посьета согласно завещанию в Музей Антропологии и Этнографии. № 472—3. Предмет: гитара с острова Мадейра. Проверил: Петри, май 1911 г. 4-струнная гитара с островов Мадеры; длина с грифом — 49,2 см, ширина деки в самом широком месте — 14 см, высота коробки — 4 см».

Библиография

Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней) // Материалы для критико-биографического словаря русских писателей и ученых. Т. IV. Отд. II. СПб., 1895.

Гончаров И. А. Фрегат «Паллада»: Очерки путешествия в двух томах // Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 2. СПб., 1997.

Грамота на орден, пожалованный П. Л. Вакселю португальской королевой Марией // Российская Национальная библиотека. Отдел рукописей и редких книг. Ф. 123. Ед. хр. 2.

Два письма И. А. Гончарова к К. Н. и Р. И. Посьет // Красный архив. Т. 4. М.; Пг., 1923. С. 380.

Залесский К. А. Первая мировая война // Биографический энциклопедический словарь. М., 2000. С. 319–320.

Испания и Португалия. М., 1947.

Месхидзе Дж. И. О португальской гитаре из коллекции К.Н. Посьета // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 г. / Отв. ред. Ю. К. Чистов, М. А. Рубцова. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 439–443.

О плавании фрегата «Светлана» в Китай // Российский государственный архив военно-морского флота. Ф. 283. Оп. 3. Ед. хр. 1636. Л. 35.

Обзор заграничных плаваний судов Русского Военного флота с 1850 по 1868 г. Т. 1. СПб., 1871.

Общий Морской список. Ч. XI: Царствование Николая I. СПб., 1900.

Письма из кругоземного плавания в 1852, 1853 и 1854 годах К. П-А. // Отечественные записки. Т. ХСІХ. № 3–4. Отд. VI. СПб., 1855.

Посьет К. Н. Записная книжка // Российский государственный архив военно-морского флота. Ф. 1247. Оп. 1. Ед. хр. 29.

Реклю Э. Земля и люди // Всеобщая география. Кн. 1. Т. 1. СПб., 1898.

Станюкович К. М. Вокруг света на «Коршуне». Сцены из морской жизни: В 2 ч. С рисунками Е. П. Самокиш-Судковской. СПб., 1896.

Циркин Ю. Б. Финикийская культура в Испании. М., 1976.

Denis F. Portugal. L'Univers. Histoire et description de tous les peuples. Vol. 34. Paris, 1846.

Hochstetter Dr. Ferd. von. Madeira. Wien, 1861.

Machado J. P. Dicionario etimologico da lingua portuguesa com a mais antiga documentacao escrita e conhecida de muitos dos vocabulos estudados. 3 ed. Vol. IV. Lisboa, 1977.

McGuidan D. G. Familie Habsburg: 1273 bis 1918 / Aus dem American übertr. von Lore von Stiller. Frankfurt am Mein; Berlin, 1996.

Oliveira Marques A. H. de. History of Portugal. Vol. I: From Lusitania to Empire. Vol. II: From Empire to corporate State. New York; London, 1972.

Rodrigues Azevedo. Romanceiro da Madeira. Funchal, 1880.

Schultze R. Die Insel Madeira. Aufenthalt der Kranken und Heilung der Tuberkulose daselbst. Stuttgart, 1864.

Vasconcellos J. Leite de. Ethografia Portuguesa: 10 Vol. Lisboa, 1980–1988. Vol. VI. Lisboa, 1983.

Viegas Guerreiro M. Para a Historia da Literatura Popular Portuguesa. Lisboa, 1978.